

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Никита БАРАНОВ

ИНОМИРЕЦ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б24

Серия основана в 2004 году
Выпуск 515

Художник
С. Дудин

Баранов Н. Э.

Б24 Иномирец: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 312 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1679-0

Стоит ли верить незнакомцу, который предлагает великий дар абсолютно безвозмездно? Стоит ли отказываться, даже чувствуя подвох, если у тебя и так в этой жизни ничего не осталось? И что за награда ждет в конце нежданно-негаданно свалившегося на голову смертельного испытания? Как бы там ни было, тот, кому нечего терять, пойдет ва-банк, согласившись на сделку, и вернет давно ушедшую молодость, но уже в ином мире. А о цене за этот «дар» он узнает чуть позже и в самый неподходящий момент.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1679-0

© Баранов Н. Э., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ГЛАВА 1

При свете сумерек весь этот кладбищенский ансамбль приобрел таинственный мистический ореол. Ветхие, поросшие мхом гранитные памятники, насквозь прогнившие деревянные надгробия и скопища давным-давно засохших цветов придавали происходящему ощущение древности, хотя погосту совсем недавно исполнилось лишь полвека. А увядающий красноватый свет почти закатившегося за горизонт светила лишь угнетал и словно бы вытягивал последние силы из дряхлого умирающего старческого тела.

Виктор Евгеньевич, согнувшись в три погибели, медленно протиснулся между мусорными кучами и тихо выругался: раньше такого бардака не допускали. Когда старик был еще молодым и жил в этих краях, кладбище всегда оставалось чистым и ухоженным. Еще двадцать лет назад здесь уважали мертвых, а сейчас в деревне остались доживать свой век лишь такие же бабушки и дедушки, как и он сам. Хотя Виктору Евгеньевичу еще повезло — после смерти жены много лет назад дети забрали своего отца к себе в город, а сам старик стал навещать могилу лишь изредка, когда удавалось перебороть себя и вырваться из столичной суеты. С возрастом Виктор Евгеньевич возвращался сюда все реже и реже; последний раз он приезжал на это кладбище четыре года назад. Но сейчас, понимая, что ему самому осталось жить всего несколько недель, он не смог не проститься со

своей суженой, которую любил всю свою жизнь. Любил даже больше, чем саму жизнь, а потому после безвременной кончины супруги даже и не думал о том, чтобы начать с кем-либо новые отношения. С тех пор прошло без малого три десятка лет, и семидесятилетний старик, страдающий неизлечимой болезнью, все еще гордился своей верностью единственной, пусть и уже почившей, любимой женщине.

Виктор Евгеньевич еще издалека заметил нужную ему могилу, и на душе сразу стало теплее. Он засеменял быстрее, аккуратно расчищая перед собой дорогу от мусора и опавших осенних листьев тяжелой дубовой тростью. Подобравшись к месту, старик низко поклонился, прижался к посеревшему мрамору лбом и провел по надгробию иссушенными пальцами. И хоть губы расплылись в почти счастливой улыбке, глаза предательски наполнились слезами, и по щекам скатилось несколько скупых, блестящих в свете заходящего солнца капель. Виктор Евгеньевич отошел на шаг и оглядел могилу со всех сторон. Грязное надгробие вызвало у старика чувство вины. Еще бы — четыре года дождей, снегов и прочих природных неурядиц не оставили чистоте ни единого шанса. Виктор Евгеньевич достал из кармана пальто заранее приготовленную тряпочку и стал бережно оттирать поверхность надгробия от налипшей и крепко присохшей земли. Вскоре проявилась и надпись, до этого момента скрывавшаяся за слоем пыли, но краска давно уже стерлась, и прочитать прощальные слова не осталось ни малейшей возможности. Хотя, конечно, старик помнил их наизусть.

— Я очень скучаю по тебе, Лизонька, — осипшим голосом произнес Виктор Евгеньевич.

Оттерев надгробие и изрядно попотев, старик со скрипом в спине опустился на колени и сгреб в сторонку все желтые листья. Теперь могила выглядела куда приличнее, чем до этого, и Виктор Евгеньевич с довольной ухмылкой уселся на лавочку неподалеку.

— Знаешь, Лизонька, две недели назад у нас появился первый правнук. Пашкин сынок. Ну и богатырь, скажу я тебе!

Старик было рассмеялся, но сильно закашлялся и тут же прикрыл рот носовым платком. Платок окрасился красным: кашель сопровождался кровавыми каплями.

— Ты не думай ничего плохого, я в порядке, — махнул он рукой в сторону могилы. — А что кашляю — так что с того? Все кашляют. У меня все нормально, любимая, не волнуйся за меня, прошу.

Виктор Евгеньевич тяжело вздохнул и поглядел на закат. Солнце уже почти скрылось, а потому на небосклоне сейчас отчетливо виднелась Венера. Утренняя звезда, или Вечерняя звезда, как ее называла Лиза, всегда напоминала Виктору о былых временах. Его жена в свое время увлекалась астрономией, а он, полнейший гуманитарий, ничего в этом не смыслил, хотя всегда с умным видом слушал рассказы о созвездиях, туманностях и важности их изучения для современной науки. Сейчас, конечно, старик уже все позабыл, но каждый раз, когда взгляд его поднимался к звездам, он улыбался и вспоминал полную энтузиазма Лизу, вечно готовую к новым открытиям и свершениям.

— Борька Тарасов умер полгода назад, — сообщил Виктор Евгеньевич. — Помнишь, как раньше он к нам каждые выходные сына своего приводил? Как детки наши играли. Да, отличное время было...

Ветер слегка усилился, стало прохладнее. Старик приподнял воротник, но со скамейки не встал. Он понимал, что последний автобус уехал еще час назад, а значит, сидеть здесь, на кладбище, предстоит еще целую ночь.

— Ну ничего. Раз уж это последний раз, когда я тебя навещаю, почему бы не побыть здесь до рассвета? Холодно, да и черт с этим. А темноты я не боюсь. Не маленький уже!

Словно подтверждая эти слова, сильный порыв ветра

покачул стоящие рядом деревья. Начался настоящий листопад, и всего через пару минут могила снова была припорошена пожухлой осенней листвой. Виктор Евгеньевич устало вздохнул и усмехнулся:

— Вот так всегда. Делаешь что-то, делаешь, а ветер все заметает. И труд одного человека в сравнении с монолитным безразличием стихии не стоит и ломаного гроша. Такие вот дела, Лизонька. Такие дела.

Солнце окончательно село за горизонт, и ночной морозец сразу же вступил в свои права. Ветер, казалось, утихать и не собирался. Фетровая шляпа пару раз чуть не слетела с полысевшей головы, но старик крепко придерживал ее рукой. Ведь этот головной убор — последний подарок Лизы перед ее кончиной. Виктор Евгеньевич тщательно хранил шляпу много лет, каждый день смахивал с нее незаметные глазу пылинки и ни разу не уронил ее на пол.

— Скоро и я так буду лежать, — уже тихо сказал старик, будто бы надеясь, что покойная жена не услышит этих «мыслей вслух». — Я попрошу детей, чтобы меня похоронили рядом, Лизонька. Мы всегда будем вместе, слышишь? Всегда будем вместе.

Виктор Евгеньевич снова расплакался. Вытерев все тем же окровавленным платком слезы, он достал из кармана старенький плеер, подаренный несколько лет назад сыновьями, надел поверх шляпы уже порядком износившиеся наушники и включил музыку. Нестареющий, но, увы, давно покинувший этот мир Рэй Чарльз со своим джазовым бэндом заставил Виктора Евгеньевича снова довольно улыбнуться. Ведь любовь к джазу ему тоже в свое время привила именно Лиза.

— Я очень по тебе скучаю, любимая, — сказал старик, покачивая головой в такт музыке. — С каждым днем все больше и больше. И безмерно тебя люблю.

Виктор Евгеньевич слушал джаз, пока плеер окончательно не разрядился. Всю ночь он так и провел на скамье, изредка перекидываясь с самим собой незатейливы-

ми фразами, бодрящими и успокаивающими одновременно, а наутро, встретив рассвет, снял шляпу и чинно поклонился вновь появившейся на горизонте Венере.

Попрощавшись со своей женой в последний раз, старик разгреб на могиле собравшийся за ночь мусор и медленно направился в сторону автобусной остановки. Настало время возвращаться домой.

Обратный путь оказался долгим. Несмотря на почти болезненное чувство голода, Виктор Евгеньевич решил не останавливаться в придорожных забегаловках. Он вообще в последнее время мало задумывался о такой вроде бы необходимой вещи, как питание. А виной всему — та пресловутая болезнь, которая не просто убивала физически, но и лишала желания бороться за жизнь.

Автобус, как всегда, опоздал почти на двадцать минут. А когда подъехал, оказалось, что все сидячие места были заняты: десятки озлобленных на весь свет бабулек с утра пораньше отправились на свои дачи. И ни одна из них не уступила места старику с явно болезненным видом, так что всю двухчасовую дорогу до вокзала Виктор Евгеньевич провел стоя, безотрывно и с гордо поднятой головой глядя на пейзажи за окном. Когда же автобус доехал до места назначения, пришлось пересаживаться на электричку — такой уж извилистый путь был от города до кладбища, где похоронена любимая жена. В вагоне, правда, все-таки удалось присесть и отдохнуть. Благо что поезд ехал почти полтора часа — старик даже успел немного подремать.

После всей этой дороги — еще час на маршрутке. Виктор Евгеньевич попал в час пик, что конечно же не вызвало у него положительных эмоций. Очень хотелось спать. Старик решил, что как только приедет домой, то сразу же завалится на свою старую кровать и... может, никогда не проснется. Эта мысль стала возникать в старческом сознании еще несколько месяцев назад, и каж-

дый раз, когда Виктор Евгеньевич ложился спать, он на всякий случай крестился и читал «Отче наш». Хотя всю жизнь и пробыл непоколебимым агностиком, да таким и остался. «На всякий случай, мне же это не повредит», — думал он и ругал сам себя за такую бесхребетность, но ничего с собой поделывать не мог. Смерть близилась, и она подкрадывалась семимильными шагами. Не сегодня, так завтра она могла постучаться в дверь и сказать что-то вроде: «Конечная! Дедуль, выходи!»

Виктор Евгеньевич не сразу понял, что снова задремал, на этот раз в маршрутке. Повезло еще, что жил он на конечной остановке, так что, поблагодарив водителя, он спешно покинул транспорт и засеменял к своей панельной девятиэтажке, похожей на другие рядом стоящие дома как две капли воды.

Закон подлости вновь сработал на ура: лифт почему-то был отключен, так что старику пришлось подниматься на четвертый этаж своим ходом. Каждая ступенька отдавалась в бедрах мучительной острой болью, и даже трость не помогала полностью сохранять равновесие. Кроме того, в подъезде было полным-полно никогда не подметаемого хлама, и смотреть на весь этот бардак Виктор Евгеньевич уже не мог, а значит, взгляд на пол не опускал. Оттого и спотыкался, чертыхаясь и ругая все на чем свет стоит.

Когда перед самым носом оказалась дверь родной квартиры, старик наконец радостно выдохнул и вставил ключ в замочную скважину. Трижды повернул его, после чего спрятал в карман и потянул дверную ручку.

На кухне горел свет — Виктор Евгеньевич заметил это сразу. Остановившись на пороге, он стал вспоминать, не собирался ли кто из детей или внуков к нему заехать на огонек. Порывшись в своей памяти, понял, что никто в гости заходить не планировал. Старик вдруг махнул рукой: «А, сам забыл выключить свет. Вот же я растяпа...» После чего стал медленно раздеваться. Стянув с себя са-

поги, повесив пальто и шляпу на крючок, Виктор Евгеньевич пошел на кухню — выключать свет.

Но у плиты его кое-кто поджидал.

— Здравия тебе, Богданов, — подмигнул незнакомец.

Он выглядел донельзя странным: в парадном белом костюме, с красным галстуком-бабочкой и высоким начесом на голове, как у стилига в шестидесятых годах. На горбатом носу держались огромные квадратные очки в толстенной оправе, а длинная, но аккуратная борода была заплетена в вычурную косичку, достающую почти до самой груди. На первый взгляд казалось, что ему лет тридцать пять, не больше.

Виктор Евгеньевич бросил взгляд на стол, где лежал кухонный нож сантиметров тридцать в длину. Если постараться, то можно успеть схватить его до того, как этот странный мужик на него нападет. Конечно, если у него вообще имелось подобного рода желание.

— Э-э нет, — покачал головой незнакомец, крепко сжав губы. — Не будем колоть друг друга острыми предметами, о'кей? У вас ведь так говорят?

Только сейчас старик заметил, что этот стилига жарит на сковороде яичницу с кусочками сала. Живот призывно заурчал, когда запах еды едва лишь коснулся носа Виктора Евгеньевича.

— Голодный, Богданов? Так ты садись за стол, я накрою сейчас. Кстати, доставай из холодильника бутылку. Будем пепельников гонять.

— Что? Кого гонять? — вопросительно изогнул бровь старик, медленно подходя к холодильнику. Глаз с незнакомца спускать ой как не хотелось.

— Пепельников. Больших таких, серых и рогатых. Я тебя попозже познакомлю с этими забавными ребятами. О'кей?

Виктор Евгеньевич заглянул в холодильник. Там действительно лежала странная на вид керамическая бутылка, обвязанная льняной тканью. На матерчатой «этикетке» от руки были написаны слова на очень странном

для русского человека языке. Буквы напоминали смесь арабской вязи и китайских иероглифов, что само по себе уже казалось старику абсолютно нечитаемым бредом.

— Что это такое? — спросил он незнакомца. — Ни черта не понимаю...

— О-о-о, дорогой друг! Это магмагрог — самая забористая штука во всей Вселенной! Тащи сюда кружки!

Старик поставил бутылку на стол и сложил руки на груди.

— Ты вообще кто такой, парень? Я тут как бы живу, если ты не заметил. Один. Гостей к себе не звал, ясно? И очень не люблю, когда кто-то нарушает границы моей территории. Если ты немедленно не объяснишься, то, клянусь своими легкими, я пинками выпровожу тебя прямо из окна!

Незнакомец театрально понурил голову. Выключил газ и перетащил сковородку с яичницей на заранее приготовленную подставку на столе. Уселся на стул, взял в руки вилку и ответил:

— Ну скажи, чего ты такой злой, Богданов? Чего я тебе сделал, а? Вот смотри — обед приготовил. Магмагрог притащил. Ты хоть знаешь, сколько такая вот бутылочка стоит? Да этот напиток вообще только в узких кругах пьют! Он гонится прямо из вулканической магмы! Не то что ваша водка, тьфу...

Виктор Евгеньевич бдительности не терял, но решил играть по правилам этого парня. Взяв из шкафа две пивные кружки, он разлил по ним странную жидкость огненно-красного цвета и поставил рядом со сковородой. Забавным казалось то, что от магмагрога действительно пахло чем-то вулканическим...

— Ладно, ладно, понял я. Не враг ты. А кто тогда? — С этими словами старик уселся рядом и тоже вооружился столовыми приборами. — Я тут, понимаешь ли, прихожу домой, уставший, и просто хочу поспать. А тут — на тебе! Незнакомец жарит яйца на моей кухне! А сало я, между прочим, хранил для особого случая!

— Для какого такого случая? Для поминок по тебе, что ли? Хе-хе...

Мужчина в костюме достал из кармана салфетку и положил ее к себе на колени, чтобы не запачкать брюки. Подцепил вилкой кусок горячего сала, закинул его в рот и сразу же запил изрядным количеством магмагрога. Незнакомец сморщился так, будто ему пришлось прожевать лимон целиком.

— Ву-у-ух! — замотал он головой. — Ну и забирает! Отведай, Богданов. Клянусь, тебе понравится! А меня, кстати, Лагош зовут. И не дуйся на меня, про поминки я чуток пошутил, хе-хе.

Виктор Евгеньевич кивнул:

— Привык я к таким шуткам, черт с тобой. А меня ты, видимо, уже знаешь. Но откуда? И зачем пришел?

С этими словами старик тоже приступил к трапезе. Распробовав яичницу, глотнул странного на вид напитка и тут же закричал: горло обожгло, словно в него и впрямь залили раскаленную докрасна лаву. Но эффект длился недолго — всего спустя несколько мгновений ощущение ожога пропало, равно как и остальные неприятные чувства. И в голову дало действительно неплохо — перед глазами все поплыло всего от одного-единственного глотка.

— Ну как оно? — ухмыльнулся Лагош. — То-то же. А вот представь себе: пепельники кормят этим грудных детей через соску! Звери, одним словом!

— Да кто эти пепельники такие? — не выдержал Виктор Евгеньевич. — Кавказцы, что ли? Я слышал, что они детей с раннего возраста вином накачивают, но чтобы такой вот отравой...

— Э нет. Пепельники — это пепельники. Потом все расскажу. Ты ешь пока, ешь. Я ж не только для себя все это готовил.

Старик последовал совету и стал активнее поглощать свой обед. С набитым ртом он все же решил повторить уже заданные вопросы:

— Откуда ты меня знаешь, эм... Лагош? Зачем пришел? И что за имя такое странное? И как ты попал в квартиру? Я что, забыл закрыть дверь?

— Нормальное у меня имя, — чуть обиженно ответил парень в костюме. — А теперь давай по порядку. Откуда я тебя знаю? Ну ходил себе, бродил, увидел тебя. Стал следить. Разузнал все о тебе. Все-все-все. Вообще все. Даже то, что ты только что вернулся с кладбища, где похоронена твоя любимая жена, которую ты потерял почти три десятка лет назад. В автокатастрофе, верно? Ты всегда скептически относился к ее умению водить автомобиль, всегда побаивался чего-то подобного...

— Откуда ты зна...

— погоди маленько, Богданов, я еще не закончил. Зачем пришел? Кое-что предложить, но об этом чуть позже, ладно? Все расскажу, ничего не утаю, но сперва — кушай, пей, наслаждайся.

— Да уж, насладишься тут, — буркнул старик. — Когда каждое движение челюстями вызывает лютую боль в груди...

Лагош сочувственно кивнул и вытащил из кармана скомканный листок бумаги. Развернув его, он что-то быстро прочитал и покачал головой:

— Рак легких, да? Метастазы в печени. Все плохо.

— Где ты взял это? — нахмурился Виктор Евгеньевич. — Я ведь сжег эту бумагу, чтобы никто не увидел. Особенно дети. Не люблю, когда они начинают обо мне заботиться и нянчиться, словно с пускающим слюни овощем.

— Гордость, все понимаю. Отличное чувство — как раз то, что надо для героя вроде тебя. Но об этом позже. Почему у меня такое странное имя? А мне почем знать? Каким наградили, такое и ношу. Я своим именем, знаешь ли, даже горжусь. Вот сам посуди: каждый день меня упоминают в своих жалких причитаниях, которые грех даже молитвами назвать, сотни и сотни пьяниц, убийц,

развратников и просто вставших не с той ноги неудачников. Упоминают меня! Великого меня!

Лагош громко рассмеялся и снова отпил из кружки. Хлопнув Виктора Евгеньевича по плечу, он продолжил:

— А дверь ты с детства ни разу не забывал за собой закрывать, Богданов. Так что, признаюсь, мне пришлось замочек твой «взламывать». Эй, эй, ты только не хмурься так — все абсолютно законно! Ни один ваш закон не запрещает открывать запертые двери силой мысли!

Старик прикрыл лицо ладонью и попытался сосредоточиться:

— Знаешь, парень... весьма вероятно, что я сейчас лежу на носилках «скорой помощи», а врачи беспомощно пытаются меня спасти. И все, что я вижу вокруг, лишь плод моего воображения. Собственно, если это взаправду так, то жить мне действительно осталось совсем уж недолго. А значит, тратить время на выяснение отношений мне не с руки. Так что прощаю я тебя на этот раз.

Незнакомец мгновенно засиял и радостно захлопал в ладоши. Повеселев, он съел половину яичницы и одним залпом прикончил весь свой магмагrog. Оба собеседника ненадолго замолчали, пока Виктор Евгеньевич пытался разгрызть тем, что осталось от зубов, жесткий кусок хорошо прожаренного сала.

— Ну, Богданов, раз уж ты лежишь на носилках, тебе уже все равно, да?

Старик нахмурился и пожал плечами:

— Все равно? Что ты имеешь в виду? Я не боюсь тебя, если ты об этом.

— Да брось, я совсем не об этом говорю. Мысль моя сводится к следующему: тебя скоро не станет, а все вокруг — плод фантазии, полнейший бред, не заслуживающий полного осмысления и сопоставимости с привычной реальностью. А значит, я мог бы предложить тебе нечто, что выходит за рамки понимания практически любого жителя Земли.

Виктор Евгеньевич, тщетно пытаясь прожевать кусок сала, глядел на фотографию своей жены, прикрепленную к еще советскому холодильнику небольшими магнитиками. Разглядывая лицо любимой, он забылся и широко улыбнулся. На душе сразу стало легче, и страх, остатки которого все-таки таились в задворках сознания старика, мигом испарился.

— Предложить мне что? — спросил Виктор Евгеньевич, проглотив кусок сала, устав бороться с ним зубами, что вызвало в гортани до боли неприятные ощущения.

Лагош заговорчески подмигнул старику и пустился в объяснения:

— Значит, так, Богданов, предупреждаю: то, что я тебе скажу, однозначно тебя шокирует. Хотя... — хмыкнул стилиста. — Что может шокировать умирающего от рака и повидавшего уже все на этом свете дедушку?..

— Ну не томи. Объясняй уже, пока я окончательно не уснул, — рявкнул старик, уткнув взор в незнакомца.

— Хорошо-хорошо, — дважды кивнул Лагош, после чего вдруг встал из-за стола и прошелся по кухне. Остановившись возле холодильника, взглянул на старое фото Лизы и громко цокнул языком: — Твоя женушка, верно? Жаль ее, очень жаль. Красавица. Наверняка еще и умницей была. Борщи готовила, носочки вязала, детей воспитывала, да?

По ехидному тону незнакомца было понятно, что сочувствию Лагоша — грош цена, и Виктор Евгеньевич пропустил бесполезную лесть мимо ушей. Сложив руки на груди, он продолжал глядеть на своего гостя, который после небольшой паузы щелкнул пальцами и задал вопрос:

— А вот ты, Богданов, хотел бы оказаться лет на сорок пять моложе, а? Представь себе: густые русые волосы без тени седины, эластичные и упругие мышцы, крепкие кости, жизненный блеск в глазах и покоряющая женщин белоснежная улыбка...

— Может, и хотел бы, да что с того? Мало ли чего мы

все желаем. «Без устали царь о покое желает, а нищий при виде короны отгадет...»

Лагош состроил насмешливую мину и махнул рукой:

— Да брось ты, поэзией меня удивить вздумал? Ну так я на нее не ведусь. А ответ на свой вопрос все еще хотелось бы услышать от тебя, Богданов.

Старик хотел было что-то возразить, но вспомнил, что решил играть по чужим правилам, и смело ответил:

— Конечно, хотел бы. А кто бы не хотел? Только дурак, однозначно.

Стиляга подмигнул старику и задорно усмехнулся:

— Это именно тот ответ, который я от тебя и ожидал, Богданов! Решительность, достойная королей. Ну так что, готов к предложению, которое изменит всю твою жизнь?

Виктор Евгеньевич пожал плечами:

— Я весь — внимание. Говори.

Лагош снова захлопал в ладоши и истерично засмеялся, как смеются лишь выжившие из ума злодеи в дешевых американских вестернах. Он вдруг задернул шторы и выключил свет — на кухне сразу же стало темно. А зрение Виктора Евгеньевича в его-то годы давно уже не позволяло комфортно чувствовать себя в таких потемках даже в очках.

— Сперва — завязочная увертюра, дорогой слушатель. Ведь без предварительного разогрева нельзя приступать к большущей пьянке, да? Хе-хе...

Глаза стилияги стали бегать туда-сюда, будто что-то выискивая. Наконец увидев что-то, Лагош широко улыбнулся и подошел к холодильнику. Насвистывая какую-то до боли знакомую мелодию, он стал снимать с дверцы холодильника накопленные за многие годы магниты. Почти на всех были изображены города, в которых когда-либо побывал Виктор Евгеньевич или его родственники, а на остальных — мультяшные мишки и зайчики, которые попадают в упаковках из-под йогурта. Когда внуки гостят у своего дедушки, он всегда заранее

запасается целым коробом этих кисломолочных продуктов.

Старик из-за темноты почти ничего не видел, но, прищурившись, все-таки смог разобрать, чем занимается его собеседник. Вопросительно изогнув бровь и раскрыв от удивления рот, Виктор Евгеньевич хотел что-то сказать, но вскоре просто махнул рукой и стал смиренно ожидать, пока все магнетики не скроются в бездонных карманах пиджака незваного гостя.

Лагош, закончив с «магнитным» ограблением, смущенно улыбнулся и пожал плечами:

— Никогда не знаешь точно, удастся ли тебе выбраться в этот мир еще раз. Вот и запасаясь сувенирчиками, хе-хе. Ты уж прости меня за это, Богданов. Тебе ведь все эти безделушки все равно вскоре станут без надобности, верно?..

Виктор Евгеньевич стал потихоньку закипать. То ли от непонимания слов Лагоша, то ли от его беспринципных действий, но ярость постепенно застилала старику глаза.

— Знаешь, как тебя там, лучше просто ответь на мои вопросы, а то хуже будет.

— Кому хуже-то станет? Тебе, что ли? — усмехнулся Лагош. — Да ладно тебе, дедуль. Смотри и слушай.

Стиляга сразу же посерьезнел и громко щелкнул пальцами. Из-под его грязных нестриженных ногтей вырвались яркие оранжевые искорки. Завертевшись в едином танце, они вдруг слились воедино и после короткой вспышки превратились в светящийся коричневый шарик, парящий прямо посреди кухни.

У старика от удивления чуть не остановилось сердце.

— Прости, что без фанфар, но оркестрами я руководить не умею, — хмыкнул Лагош. — Значит, так. Вот эта сфера — огромный газовый гигант типа вашего Юпитера, вращающийся вокруг тесной пары умирающих звезд, находящихся невероятно далеко отсюда, Акемо. Гигант этот, кстати, тоже находится на последнем издыхании.

Хотя все это в космических масштабах. Пройдут еще десятки тысяч лет, прежде чем одна из звездочек соизволит уменьшиться до размеров астероида и станет столь плотной, что даже свет не сможет покинуть ее пределы. Не стану утомлять тебя всей этой астрономической белибердой. Это так, к сведению.

Лагош снова щелкнул пальцами. На этот раз появились уже зеленые искры, которые собрались в совсем малюсенький шарик, раз в десять меньше предыдущего. Новый объект встал на свою орбиту и начал медленно вращаться вокруг Акемо.

— А эта никому не нужная кроха — мир, откуда я пришел. Пакемо. Один из тринадцати спутников газового гиганта, но единственный имеющий разумную жизнь, какой ее понимаете вы, люди! Редчайшее явление во Вселенной, Богданов, хочу я тебе сказать. Там есть и леса, и моря, и даже люди... — Собеседник Виктора Евгеньевича вдруг ненадолго умолк и спустя полминуты продолжил уже с меньшим энтузиазмом в голосе: — Еще там есть пепельники, болотники и крылатые, как их там... не помню. Запоматовал. Вот же растяпа!

Виктор Евгеньевич отошел от первичного шока и стал подозревать, что его время уже пришло. Все было похоже на бред. Старик со всей силы ущипнул себя за запястье и протяжно зашипел от боли.

— Ну не может это все быть правдой, — буркнул себе под нос Виктор Евгеньевич. — Не может. Я ведь просто сплю. Просто сплю.

Лагош в третий раз щелкнул пальцами, и планеты разом испарились. Сразу же сама собой зажглась лампа, и в помещении вновь стало светло.

— Так вот... — Стиляга отряхнул рукава и присел рядом со стариком. — Теперь о деле. Я предлагаю тебе, Богданов, воспользоваться моей безграничной добротой. У меня есть для тебя бесценный дар, получить который уже величайшая честь и неслыханная удача. Лишь несколько человек в вашем мире удостоивались возможно-

сти просто говорить со мной, а быть награжденным мною — всего двое...

— И что же это за дар, позволь спросить? — нахмурился старик. Он до сих пор не мог понять, реально ли все, что происходит вокруг, или же его тело уже начало разлагаться на носилках в местном морге. А пока определить наличие и степень реальности не было никакой возможности, Виктор Евгеньевич решил просто слушать и по ходу дела задавать интересующие его вопросы.

— Молодость, Богданов, — с трепетом ответил Лагош, крепко сжав кулаки. — Ты снова станешь молодым и сильным. Болезни исчезнут, а твой организм полностью очистится. Ты станешь кристальнее слезы младенца, стерильным, как медицинский спирт. Твоим главным врагом будет лишь уже прожитая жизнь, воспоминания которой никогда тебя не покинут. Соглашайся, Богданов. Это твой шанс начать все сначала.

Виктор Евгеньевич постучал себя по груди и откашлялся. Почесал макушку, посмотрел на фотографию Лизы — на этот раз она не придала своему возлюбленному столь нужных сейчас сил. Махнув на все рукой, старик ответил:

— Предположим, что ты не сумасшедший, а я еще живой и нахожусь в полном здравии. Тогда что же выходит? Ты — джинн?

— Ну что-то типа того. Не хочу об этом говорить.

— Ладно, ладно. Не хочешь говорить — твое дело. Если я соглашусь на твое предложение, что уже само по себе кажется абсурдом, то смогу ли я потом вернуться обратно? Показать себя в новом облике родным, вновь покататься по стране автостопом...

Лагош покачал головой:

— Увы, Богданов. Знай, что, приняв мое предложение, ты навсегда окажешься привязанным к тому миру, и никто не сможет переместить тебя на Землю. Так что, если хочешь, можешь либо доживать свой месяц тут, рядом с родственниками, или... или навсегда о них забыть и

продлить свою жизнь как минимум на полвека, но в совсем новом, другом мире. Как тебе предложение? Знаю, заманчивое.

— Зачем тебе это? Какова твоя выгода? Не верю, что ты сделаешь все это абсолютно безвозмездно.

Собеседник как-то странно улыбнулся и протянул старику ладонь для рукопожатия:

— Соглашайся и не думай о моих мотивах. В конце концов, если я скажу, что все это — коварный план по уничтожению Вселенной, ты разве откажешься? Ты ведь не моралист, я знаю. Никто бы не отказался от моего подарка просто потому, что я не стал раскрывать своих намерений. Так что с этого момента я прекращаю свои разглагольствования и настойчиво предлагаю тебе согласиться.

Виктор Евгеньевич минуту поколебался, после чего крепко пожал руку Лагоша. В глазах сразу потемнело, а окружавшая старика тишина вдруг превратилась в жуткий гул. Пришлось зажать уши — настолько больно звук колебал и без того уже плохо работающие барабанные перепонки. Вскоре выдерживать эту какофонию стало попросту невозможно, и Виктор Евгеньевич во весь голос завопил, а сердце его, казалось, и вовсе остановилось.

И в один миг все это внезапно пропало. Боль, шум и слепота разом улетучились в небытие, словно их и не было вовсе. Старику вдруг очень захотелось врезать гадкому шутнику по голове, но оказалось, что Виктор Евгеньевич на кухне остался совершенно один. Лишь запах слегка подгоревшей яичницы да привкус плавленого стекла на языке напоминали о недавнем присутствии странного и наверняка опасного человека.

— Ничего не вышло, значит, — задумался старик. — Ну и черт с ним. Подумаешь, другой мир! Мне и в этом неплохо. Очень даже неплохо...

Во рту пересохло, но сил набрать воды совсем не осталось. Тело вдруг ослабело, и Виктор Евгеньевич, собрав

последние остатки воли в кулак, поднялся на ноги и с трудом добрался до своей комнаты. Не раздеваясь, упал на шерстяное одеяло и почти моментально заснул.

В эту ночь старик не видел никаких снов.

ГЛАВА 2

В юности Виктор Евгеньевич частенько ходил в походы. Костер посреди леса, гитара в руках самого горластого товарища, консервы пятилетней давности — вот какова была романтика тех лет. Со временем, конечно, страсть к приключениям постепенно пропала, но воспоминания никуда улетучиваться не собирались. И сейчас, учуяв дым костра, смешанный с терпким хвойным ароматом, старик проснулся.

Двигаться не стал. Виктор Евгеньевич все пытался сосредоточиться и прогнать от себя прочь странное навяждение из прошлого. Может, ему чудился поход лишь потому, что на одном из таких мероприятий тогда еще совсем молодой парнишка Витя и познакомился с очаровательной отличницей, активисткой и просто скромницей Лизой? Но ведь это было больше шестидесяти лет назад. Как в памяти настолько точно мог сохраниться тот хвойный запах?

Старик открыл глаза и от ужаса тут же снова их закрыл. Попытался вспомнить, что произошло накануне. Поездка на кладбище, возвращение домой, появление на кухне странного типа со стилижым начесом.

«Не может быть», — подумал Виктор Евгеньевич, снова приподнимая веки. То, что предстало перед его взором, сложно было назвать спальней, где старик уснул. Вокруг расстился густой хвойный лес — самый настоящий сосновый бор. Огромные деревья росли рядом так плотно, что порой не удавалось разглядеть едва светлые небеса, по которым текли длинные, как нити, пурпурные облака.

Виктор Евгеньевич напрягся и приготовился к переводу своего тела в вертикальное положение. Челюсти до боли сжались сами собой, потому что старик знал: подниматься всегда весьма неприятно. В его-то годы. Каким же было его удивление, когда встать получилось с первого раза и без единого намека на боль!

И зрение перестало подводить. Несмотря на густой туман, глаза вылавливали из общей картины каждую шишку, мельчайшую иголочку. И звуки — весь лес казался живым, словно единым многофункциональным организмом. Отовсюду слышался птичий щебет, скрипели многовековые стволы, а шум ветра, запутываясь в верхушках сосен, завывал страшным зверем.

— Ну ты даешь... Лагош, — хмыкнул Виктор Евгеньевич и подпрыгнул на месте от удивления: голос его изрядно изменился. Пропала сиплость, и в каждом придыхании звучало былое пламя жизни.

А самое главное — не было никаких болей ни в груди, ни в голове. Могло ли это означать, что неизлечимая болезнь все-таки отступила под влиянием Лагоша? Виктор Евгеньевич несколько раз глубоко вдохнул, ощущая полноту набранного в легкие воздуха, а потом сделал то, чего не мог сделать уже очень давно по причине болезни и старости: он оглушительно и протяжно засвистел.

Словно пейнтбольный шарик, свист отскакивал от деревьев и разливался по лесу многоярусным эхом. Мигом умолкли птицы, и на мгновение появилось ощущение, что весь бор вымер от одного-единственного свиста. Лишь спустя несколько минут Виктор Евгеньевич понял, что шуметь в подобном месте — не самая лучшая идея, а потому запоздало решил сохранять тишину.

Послышался хруст — будто кто-то наступил на сухую ветку. Старик мигом спрятался за ближайшей сосной и с немим ужасом осознал: он абсолютно нагой. При нем не было ничего, что могло бы защитить от дикого зверя или враждебно настроенного человека. Ведь даже средней толщины кожаная куртка неплохо смягчила бы укусы зу-

бастой волчьей пасти или же не дала чьему-либо кулаку сломать ребра.

Задумавшись, Виктор Евгеньевич не сразу заметил, что тело у него больше не дряхлое. Крепкие руки и ноги оказались жилистыми и мускулистыми, живот подтянут и без единого намека на свисающую складчатую кожу, а рельефная накачанная грудь приятно выделялась на общем фоне. Виктор Евгеньевич окончательно убедился, что Лагош действительно исполнил его желание, и, мигом осмелев, решил: «Чего мне бояться? Я снова молод и силен. Встречу противника лицом к лицу и сломаю его голыми руками».

Набрав в грудь побольше воздуха, он решительно вышел из-за сосны навстречу неведомому врагу. Но, взглянув на приближающуюся в его сторону фигуру, от растерянности замер на месте.

Это было огромного роста и недюжинного телосложения существо с темно-серой кожей. В целом похожее на человека, с той лишь разницей, что нижняя челюсть его была слишком сильно выдвинута вперед и утыкана неровным рядом торчащих в разные стороны острых резцов — как у собаки. Внушительный торс, густо усеянный ярко-желтыми татуировками и старыми шрамами, был полностью оголен. Из одежды на странном создании оказались лишь кожаные потертые штаны, высокие красные сапоги с остроконечными носами и густая меховая шапка, почти полностью скрывающая голову.

Существо вдруг что-то громко прорычало и зловеще улыбнулось, глядя Виктору прямо в глаза.

— Погоди, погоди, — замахал руками пришелец с Земли, медленно отступая назад. — Я не знаю, кто ты такой, но неприятности мне совсем не нужны. Давай разойдемся мирно, х-хорошо?

Чудище, казалось, пришло в недоумение, услышав человеческую речь. Улыбка спала с его лица, и после недолгих раздумий существо, в руках которого откуда-то появился небольшой одноручный топор, пошло в атаку.

Виктор побежал не оглядываясь. Голыми пятками он наступал на природный настил из сосновых иголок, веток, острой высокой травы и незаметных мелких камешков, отчего совсем скоро до самых колен ноги его исцарапались в кровь. Но когда по твоему следу, рыча и пыхтя, гонится страшное существо, останавливаться из-за такой мелочи совершенно неуместно. Внезапно спину между лопаток прошила жуткая тупая боль, от которой Виктор сразу же упал на колени. Закричав, он обернулся и понял, что чудовище бросило в него свой топор. К счастью, либо противник был в этом деле полный профан, либо сегодня леди Удача решила улыбнуться голому иномирцу, но топор попал в спину лишь рукоятью. Не смертельно, конечно, но очень неприятно.

Слегка отойдя от шока, Виктор вдруг понял, что у него появилось некое преимущество. Медленно встав, он подобрал оружие и грозно рыкнул на приближающегося монстра:

— Лучше отойди, а то зарублю. И даже не поморщусь, ясно тебе?!

Существо остановилось в десяти шагах от нового обладателя его топора. Нервно дергающиеся скулы явно говорили, что чудище на ходу меняет свой план, но пока ничего дельного в его голову не приходит. Виктор, не теряя времени, замахнулся своим оружием и принял боевую стойку, которая должна была показать противнику, кто теперь устанавливает правила в этой стычке.

— Повторяю: беги отсюда, пока я не разозлился!

Серокожий еще немного поразмышлял, после чего вдруг демонстративно усмехнулся и, сложив руки на груди, произнес:

— Ну давай бить меня мой же топор, лесной обезьян. Я посмотреть, как ты нелепо махать его, словно ветка.

От неожиданности Виктор опешил, но решил роль злобного дикаря играть до конца:

— Ты мне тут зубы не заговаривай, мутант. Я тебя предупредил. А дальше — сам думай.

«Мутант» громко засмеялся и вытащил из сапога длинный кривой нож. Повертел лезвие между пальцев, потом схватил рукоять обратным хватом и медленно двинулся в сторону Виктора.

Ладони, державшие топор, вспотели так, что оружие то и дело норовило вывалиться из рук. Бывший старик, а теперь уже молодой парень, обреченный на смерть от рук монстра из книг и фильмов, тихо проклинал заварившего всю эту кашу Лагоша. Ведь если он столь всемогущ, как казалось сначала, то мог бы забросить Виктора не в глухой лес с озлобленными обитателями, а в более тихое и мирное место. Но причитания и слезы по самому себе пришлось отложить до лучших времен, потому что существо с ножом в руках уже подобралось к Виктору на расстояние рывка.

Чудовище дико взревело и бросилось вперед, пытаясь сбить соперника плечом, словно игрок в американском футболе. Виктор, сам не понимая как, отпрыгнул в сторону и свалился в густые кусты подле пары молодых сосенок. Топор из рук пока не выпал, так что надежда на победу все еще никуда не улетучилась, хотя после яростного нападения озлобленного существа она слегка подтаяла.

— Трус! — заявил серокожий. — Ты вставать и биться со мной как воин, а не как сопливый баба!

— А ты, видимо, настоящий мужик, раз ставишь себя выше женщин? — усмехнулся Виктор, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от грязи. — Ну что ж, дубль два.

Существо снова пошло в атаку, но на этот раз уже не слепо бросаясь вперед. В свободную руку серокожий взял подвернувшуюся под ноги толстую палку, по размерам не уступающую хорошей дубине. Размахивая всем своим оружием, противник прокричал что-то на незнакомом языке и совершил длинный прыжок в сторону Виктора. На этот раз удар пришелся точно в цель, но вовремя выставленный блок топором на миг остановил наступление. Слегка присев, серокожий выкинул руку с

кинжалом и в самый последний момент увел лезвие в сторону, одновременно с этим финтом обрушивая на Виктора всю мощь дубины, из которой, к слову, торчало немало мелких и острых сучков, так что оружие это можно было уверенно назвать какой-никакой, а палицей.

На этот раз пострадало левое плечо. Удар оказался столь сильным, что обмякшее тело Виктора отлетело в сторону как футбольный мяч — головой он врезался в неудачно подвернувшуюся сосну.

А обоерукий враг победно воздел ладони к небу и неприятно загоготал:

— Ха-ха-ха! Лесной обезьян побежден! И где же теперь твой прыть, человек?!

Кое-как придя в себя после жуткого удара, Виктор оглядел свое окровавленное плечо — оно было изодрано, ему срочно требовалась перевязка, и это уже не говоря о многочисленных мелких ссадинах и ушибах. Вот так подарок — новое, молодое, не тронутое никем тело, которое сразу же попадает в неравный бой и, превращаясь в ходячий фарш, оказывается на тоненьком волоске от страшной и нелепой гибели.

Серокожий, откинув в сторону палицу, приготовился добить раненого противника одним лишь ножом. Виктор, увидев приближающуюся фигуру, попытался нащупать рукоять топора, но рядом его не оказалось: видимо, оружие выпало из рук во время предыдущего натиска. И от осознания этого факта глаза стало застилать пеленой отчаяния. «Как так, Лагош? Зачем ты предложил мне это? Чтобы я сразу же столь глупо умер?..»

— А ха-ха! — продолжал заливаться смехом монстр. — Голенький обезьян не хотеть смерть? Но Грош'ну плюет на жалость к твой род!

Подтверждая свои слова, серокожий смачно сплюнул под ноги своей жертве. Он подошел еще ближе, пока Виктор безуспешно пытался куда-нибудь отползти, и приготовился нанести добивающий удар.

А в голове человека тем временем отчаянным вихрем

крутились десятки самых разных мыслей. Был там и страх скорой смерти, хотя еще тот, пожилой Виктор Евгеньевич, был в общем-то давно к ней готов. Была и ненависть к шутнику Лагошу, несмотря на то что тот, возможно, и вовсе участия в нынешней проказе не принимал. Был и банальный интерес ко всему происходящему — ведь вокруг раскинулся лес иного мира, а прямо перед носом стояло неведомое доселе существо, о существовании которого на Земле даже и не догадывались. И все эти мысли и эмоции вдруг стали сплетаться в одно-единственное, но смертельно важное в данный момент желание — выжить. Сбежать, победить или просто уговорить противника сложить оружие, но — выжить.

Виктор шумно выдохнул и останавливающим жестом вытянул руку. Серокожий, было нахмурившись, снова засмеялся. Ему нравилось наблюдать за беспомощностью поверженного врага, а отсутствие жалости добавляло ситуации некий «пикантный» оттенок.

Существо вдруг схватило Виктора за волосы и подняло на уровень своей оскалившейся морды. Холодное лезвие ножа легло на человеческую шею и больно вдавилось в кожу, оставив на ней небольшой надрез. Сразу стало трудно дышать, а вонь из пасти зубастой твари окончательно убивала какое-либо желание разрешить конфликт полюбовно.

— Молиться своим богам, человечиска, — выдавил из себя серокожий, сопровождая каждый слог зловонными плевками.

А Виктор тем временем в безрассудной попытке спасти самого себя схватился обеими ладонями за руку врага, державшую нож. Сперва это казалось абсолютно бессмысленным — ведь противник был гораздо сильнее да и на порядок опытнее, но, когда на лице серокожего вдруг отразилась гримаса боли, все вокруг поменялось. Запахло чем-то паленым, и существо, ослабив хватку, отпустило свою жертву. А рука серокожего, за которую в отчаянии схватился Виктор, вдруг покрылась волдырями и

ожогами. Испуганный взгляд чудовища говорил без слов: что-то явно пошло не по плану убийцы.

А сам спасенный от неминуемой смерти счастливчик взглянул на свои ладони и мигом потерял дар речи: на подушечках пальцев вместо привычных человеческому взгляду узоров, по отпечаткам которых в нашем мире идентифицируют многих преступников, ярко горели странные узоры, похожие на замысловатые скандинавские руны. Скорее всего, решил Виктор, именно эти рисунки и подожгли кожу серокожего чудовища. Но своего владельца горящие руны не обжигали. Напротив, придавали сил и уверенности, заряжали какой-то странной и чуждой энергией.

Испуганный монстр, с ужасом поглядывая то на ожоги, то на оставившего их человека, медленно отступил. Пятясь, он что-то тихонько бормотал себе под нос и вскоре побежал не оглядываясь. Эхо еще долго вторило его яростным агонизирующим крикам.

Только через минуту Виктор понял, что все это время не дышал. Опомившись от шока, он снова взглянул на свои руки: светящиеся символы гореть перестали и превратились в некое подобие самых обыкновенных татуировок, наколотых бледно-красными чернилами.

— Ну, Лагош, — процедил сквозь зубы обладатель сверхъестественных рун на пальцах. — Ну попадись мне теперь только — я тебя заживо сожгу!

Пока длился бой, Виктор не заметил, как плотный туман постепенно рассеялся, а сквозь густые сосновые ветви стали пробиваться теплые солнечные лучи. Щебет птиц усилился, когда рассвет перерос в полноценное утро, а отсутствие иных более-менее опасных звуков не могло не радовать уже порядком уставшего и все еще абсолютно нагого человека. И хотя в крови до сих пор бушевал адреналин, опасность точно прошла мимо, но бдительности в любом случае терять не стоило. Ведь если первые проведенные в новом мире минуты чуть не стали

для пришельца с Земли смертельными, то что же может произойти дальше?

Виктор вооружился ножом, который совсем недавно чуть не лишил его жизни. Думая, где бы раздобыть одежду, он вдруг ударил себя ладонью по голове и чертыхнулся. Во время стычки с серокожим монстром из головы совсем вылетел тот факт, что где-то неподалеку жгли костер. Возможно, хвойные ветки палило то самое чудище или, что хуже, его друзья. Может, это был кто-то другой, менее или более опасный. Виктор решил, что сейчас важно соблюдать осторожность и необходимо разузнать, что же тут все-таки происходит, потому что другого способа обрести хоть какую-то помощь в данный момент попросту не существовало. Без сторонней подмоги выбраться из леса казалось задачей непосильной. Кивнув сам себе, горе-смельчак пошел на запах.

Идти пришлось долго, зато нашлось время, чтобы оглядеться и сравнить местную флору с земной. Сосны отличались лишь аномально крупными размерами, а сама хвоя имела слегка бирюзовый оттенок. Между тесными рядами древесных стволов росли странные кусты с завернутыми в длинные трубочки листьями. А вот трава действительно имела с земными аналогами несколько существенных различий: во-первых, в большинстве своем она была ярко-пурпурной; во-вторых, сами травинки росли на тоненьких высоких стебельках в форме кленовых листьев. А кое-где из вишневого травяного покрова выглядывали маленькие желтые ягодки — желание попробовать их почему-то так и не появилось.

Кроме всего прочего, влажность в здешних местах просто зашкаливала, и неприятная тяжесть ощущалась при каждом вдохе. При этом каждую минуту становилось все теплее, что означало только одно: к полудню этот лес превратится в настоящую парилку, так что с поисками помощи медлить не стоило.

Виктор еще издали заметил высокий столб дыма. Он приметил, что костер располагался на широкой по-

ляне. Все свободное пространство вокруг очага было усеяно несколькими большими палатками и десятком крытых повозок с запряженными в них лошадьми. Людей там тоже оказалось предостаточно — по крайней мере туда-сюда сновали человек двадцать.

«Ну, слава богу, не монстры. Надеюсь, эти ребята мне помогут», — решил Виктор и смахнул со лба выступивший пот. В горле запершило. Очень хотелось пить, да и желудок занял в ожидании пищи. Последней трапезой для Виктора послужила яичница с салом, но когда это было? Сколько времени проспал старик, упав на кровать в своей квартире? Сколько длился сам переход между мирами?

Здравый смысл подсказал, что надо бы подобраться к лагерю поближе и, прежде чем совершать необдуманные поступки, все внимательно оглядеть. Виктор решил со здравым смыслом согласиться и стал аккуратно пробираться сквозь остролистые колючие кустарники. Когда до костра оставалось не больше тридцати шагов, пришлось остановиться и затаиться: дальше заросли сменялись невысокой травой и заметить на ней голого шпиона было задачей наилегчайшей.

Виктор стал разглядывать караван во всех подробностях. Что находилось в повозках, оставалось загадкой, но наверняка что-то ценное, потому что вокруг постоянно патрулировала вооруженная охрана. Половина всех людей расположилась у костра и завтракала, пока остальные стояли на посту. Обмундирование воинов казалось крепким и повидавшим множество боев. Поверх матерчатой или кожаной одежды на многих были надеты кольчужные туники, перевязанные оранжевыми ремнями, на плечах красовались высокие, блестящие на солнце наплечники с яркой птичьей символикой. Некоторые носили поверх подбитых мехом шапок высокие бацинеты с забралами в виде острых орлиных клювов и пучками птичьих перьев на висках. Виктор усмехнулся, когда увидел за спиной одного из воинов размашистые белые

крылья. Возможно, это был лидер «птицеголовых» или просто очень сильный и матерый вояка.

Язык, на котором разговаривали эти люди, был вполне понятен и разборчив, а потому Виктор решил без утайки заявить о своем присутствии и попросить кого-нибудь о помощи.

— Эй! Эй там! — крикнул голый пришелец с Земли, держа руки на виду, чтобы в него ничем случайно не палнули. Он вышел из своей засады, демонстративно бросил кинжал в сторону и медленно направился к сборищу людей возле костра, которые сразу же отвлеклись от приема пищи и насторожились, но вооружаться не стали. Видимо, странный парень, вышедший из чащи леса, вызывал больше интерес, нежели опасение.

— Назовись! — крикнул один из воинов, стоящих неподалеку. На его поясе зловеще поблескивало лезвие изогнутой сабли, и проверять на себе ее остроту на собственной шкуре Виктору очень не хотелось, поэтому он остановился шагах в десяти от костра.

— Меня зовут... Виктор, и я... я...

— Откуда так хорошо наш язык знаешь? — спросил кто-то другой. — Вроде лесной, дикий, а говоришь без акцента.

— Срам-то свой хоть прикрой! — раздалось откуда-то слева.

— Дайте мужику воды и бинтов. Он же в крови весь!

— И пожрать отсыпьте! А то немощный какой-то.

— Зачем ему помогать? Чик сабелькой по горлышку, и нет никакого дикаря. А нет дикаря — нет проблемы.

Гогот снова разнесся над лагерем. Никто уже не обращал внимания на только что внезапно появившегося «лесного» — все продолжали трапезу.

Вдруг рядом с Виктором возник тот самый воин, у которого за спиной развевались огромные белые крылья, целиком состоящие из маховых перьев какой-то хищной птицы.